

и во всем клонилась бы к выгоде основной нации и ее конкретных представителей. Он систематически конструировал такую модель государства, где русские имя и честь, интерес и гражданство стояли бы на первом месте.

«Признайте, что высшее благо — это быть русским гражданином, носите это звание так же высоко, как носили его когда-то римские граждане», — ответил польским депутатам, жаловавшимся на то, что их якобы числят людьми третьего разряда.

Этой столыпинской ясности порой очень не хватает нам сегодня, когда политический класс зачастую страшится оказать предпочтение своим перед чужими. Мало того — стремится любой ценой ублажить вторых, лишь бы не жаловались. А русский мужик, дескать, проживет и так, потерпит. Как же далека подобная стратегия от политической философии Столыпина, не боявшегося прослыть «неполиткорректным», быть обвиненным в предоставлении русским преимуществ (заметим в скобках, более чем закономерных, оплаченных немалой кровью и беспримерными страданиями).

Именно на этой философии базировались и реформы в Финляндии, и выделение из состава Царства Польского русской Холмской губернии, и, наконец, знаменитый законопроект о земствах в Западном крае, омрачивший последние месяцы жизни премьера. Ему пришлось распустить Думу и Государственный совет, чтобы утвердить закон, наделявший русских преимущественными правами в земствах западных губерний, призванный положить конец всевластию польских помещиков. Удар в спину ему нанесли, помимо прочих, октябрист Гучков и правые в Госсовете, поставившие классовую солидарность с панями выше национальной.

«В этом законе проводится принцип не утеснения, не угнетения нерусских народностей, а охране-

ния прав коренного русского населения, которому государство изменить не может, потому что оно никогда не изменяло государству и в тяжелые исторические времена всегда стояло на западной границе на страже русских государственных начал», — так говорил он в своей последней речи перед Думой весной 1911 года.

В этих словах выражен еще один важнейший принцип его мировоззрения: убежденность в неразрывной связи русского народа и российского государства. Для Петра Аркадьевича наша страна всегда была, есть и будет государством национальным, а смысл ее государственности состоит прежде всего в

«Признайте, что высшее благо — это быть русским гражданином, носите это звание так же высоко, как носили его когда-то римские граждане»

охранении русского народа: «Когда в нескольких верстах от столицы и царской резиденции волновался Кронштадт, когда измена ворвалась в Свеаборг, когда пылал Прибалтийский край, когда революционная волна разлилась в Польше и на Кавказе, когда остановилась вся деятельность в южном промышленном районе, когда распространились крестьянские беспорядки, когда начал царить ужас и террор, правительство должно было или отойти и дать дорогу революции, забыть, что власть есть хранительница государственности и целостности русского народа, или действовать и отстоять то, что ей было вверено».

Говоря о строительстве империи Петром, его тезка совершенно неполиткорректно апеллирует даже не к национальному духу, а к чув-

ству крови: «Один, с морским флотом, построенным первоначально на пресной речной воде, с моряками, им самим обученными, без средств, но с твердой верой в Россию и ее будущее шел вперед Великий Петр. Не было попутного ветра, он со своими моряками на руках, на мозолистых руках, переносил по суше из Финского залива в Ботнический свои галеры, разбивал вражеский флот, брал в плен эскадры... Кровь этих сильных людей перелилась в ваши жилы, ведь вы плоть от плоти их, ведь не многие же из вас отрицают отчизну, а громадное большинство сознает, что люди соединились в семьи, семьи — в племена, племена — в народы для того, чтобы осуществить свою мировую задачу, для того, чтобы двигать человечество вперед».

Меньше всего Петр Аркадьевич захотел бы войти в историю в роли автора одной фразы: «Им нужны великие потрясения...». Слишком часто за последние десятилетия ее использовали в смысле «чего изволите», угодливо объявляя великой Россией все, что не связано с великими потрясениями.

Между тем у столыпинских слов был определенный контекст и вполне конкретный смысл. Великая Россия — не застойное болото без внутренних и внешних волнений, но Россия национальная, историческая, опирающаяся на собственные традиции, переходящая из великого прошлого в славное будущее, сохраняя при этом все лучшее и отбрасывая худшее. Для того и боролся он с сотрясателями основ: чтобы не позволить им соорудить «новое неведомое нам отечество», опирающееся на тотальный нигилизм.

Ну а полностью фраза, оставленная нам как завещание, звучит так: «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!»